

В. СУТЫРИН

«Я ХОЧУ БЫТЬ
ТВОИМ БАРАБАНЩИКОМ»

К шестидесятилетию со дня рождения В. КИРШОНА

БЫЛА когда-то в репертуаре Московского Художественного театра комедия «Чудесный сплав». Играли ее и во многих других, чуть ли не во всех наших театрах. Шла она и за рубежом — в Чехословакии, во Франции, в Германии, Италии, Японии... В те годы автор «Чудесного сплава» уже по предыдущим своим пьесам, по всей своей литературной деятельности был известен, пожалуй, любому театральному зрителю, каждому читателю, следившему за развитием молодой советской литературы. С тех пор прошло без малого три десятка лет, и теперь имя его знают немногие. Печальная и незаслуженная судьба! Незаслуженная, иначе не скажешь, потому что не в творчестве Киршона, как бы его ни расценивать, лежит причина забвения. Арестованный в тридцать седьмом году по ложным обвинениям и вскоре погибший, он, как и другие писатели, разделившие с ним трагическую участь, был изъят из истории советской литературы.

Двадцатый съезд КПСС вернул Киршону имя честного, преданного партии коммуниста. Союз писателей восстановил его посмертно в списке своих членов. Но

все ли сделано нами, литераторами, для восстановления литературного имени Киршона, для возвращения ему места, которое он по праву должен занимать в истории нашей литературы?

Я пишу об этом, находясь под свежим и радостным впечатлением от книги «В. М. Киршон», выпускаемой издательством «Искусство» к шестидесятилетию со дня рождения драматурга. Она, мне кажется, вполне отвечает этой важной задаче.

Сборник, открывающийся интересной, обстоятельной статьей Е. Горбуновой, составлен из ряда статей и выступлений Киршона, из материалов обсуждений его пьес и, наконец, многочисленных воспоминаний. Сборник этот, отнюдь не претендующий на монографическую стройность и целостность, на глубину исторического исследования, в целом не только дает правдивый, подробно выписанный портрет драматурга, но, что очень важно, дает нам представление о существенных чертах то-

го времени, когда советская литература, советский театр делали первые свои шаги.

Об этих чертах сборника хочется сказать еще по одной причине. Многие авторы воспоминаний не только не были литературными единомышленниками Киршона, они вели с ним ярые споры и даже острую литературно-политическую борьбу. Кое-кому из них, как они сами пишут, доставалось тяжело — Киршон был блестящим и безжалостным оратором-полемистом. Тем не менее и они, восстанавливая в своей памяти события прошлого, стремятся дать им объективное истолкование.

«Чудесный сплав» кончается словами одного из героев: «С песней пойдем мы на тебя, старый мир, с песней и барабаном! Может, я и погибну тогда, но до самой смертной точки пойду я с веселой песней... Я хочу быть твоим барабанщиком, моя молодая страна!» Тому, кто близко знал Киршона, слова эти напомнили самого автора в пору его студенческих лет: в памяти возник образ худого, необычайно подвижного юноши с красивым румяным лицом, которое чаще всего освещалось лукавой, даже озорной улыбкой.

Этот юный студент Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова в самом деле был «веселым барабанщиком» своей молодой страны. Его песни, полные боевого задора, например, «Карманьолу», распевала не только «Свердловка», но и вся комсомолка. Его язвительные частушки про социал-предателей, написанные в связи с приездом в Москву Вандервельде, его частушки про нэпманов можно было услышать на улицах во время демонстраций. Но в те времена Володя

Киршон готовился стать партийным работником и еще не помышлял всерьез о профессиональной литературной деятельности. А когда через несколько лет все же пришла эта пора, он и тут, в литературе, старался быть бойцом партии, всегда готовым идти на старый мир с песней и барабаном. И это надо иметь в виду прежде всего, если мы хотим понять характер его творчества, успех, который пришел уже с первой пьесой, понять, как за три-четыре года, не более, автор всего-навсего трех пьес, написанных к тому времени («Рельсы гудят», «Город ветров», «Хлеб»), стал одним из самых известных в стране драматургов и занял место в ряду писателей, закладывавших прочный фундамент советской драматической литературы.

Действительно, все сильные стороны его пьес — и значительность их тематики, и напряженность драматического действия, и тяготение к героям, стоящим на переднем крае классовой борьбы, — коренились в острой, всячески подчеркиваемой коммунистической партийности его литературной позиции.

Впрочем, были люди — среди них и выдающиеся деятели театра, — которые тем же самым пытались объяснить как раз слабые стороны творчества Киршона. Им казалось, что писатель в жертву политическому темпераменту, как они это называли, приносит лучшие свойства своего дарования, например лиричность, умение с какой-то задушевностью подходить к своим героям. Были и другие люди, объяснявшие все куда проще: быстро и легко завоеванной славой, нежеланием упорно работать, «единого слова ради» изводить «тысячи тонн словесной руды».

Мне кажется, что лучше всех, глубже всех разобрался в слабостях творчества Киршона Луначарский. В статье «Каким судом судите, таким и судимы будете» он, анализируя явно неудавшуюся пьесу «Суд», с присущими ему блеском и безупречностью логики показал, что слабости Киршона-драматурга объясняются недостаточным умением реализовать в творческой практике те эстетические принципы, которые писатель отстаивал в своих статьях и выступлениях на театральных диспутах. Сами же эти принципы у Луначарского возражений не вызвали. Было ли такое противоречие следствием незрелости или какой-то ущербности таланта? Мне думается, что главное тут вообще не в тех или иных личных качествах Киршона как драматурга. В своих воспоминаниях о Киршоне К. Зелинский справедливо напомнил, что «о людях надо уметь судить также и в пределах тех исторических условий, в которых они жили». И это, добавлю я, необходимо отнюдь не для оправдания слабостей, умаления ошибок, оно необходимо для их правильного понимания, для объективной оценки в свете определенной исторической перспективы. Все в нашем искусстве было тогда молодо, все находилось в брожении, и новые силы, пришедшие в литературу, театр, кинематографию, тогда не только не могли сразу овладеть секретами художественного мастерства, но подчас даже не знали, как к этому делу подступиться.

...Киршона мне трудно вообразить шестидесятилетним. Он прочно остался в моей памяти таким, каким я видел его в последний раз, летом тридцать седьмого года. Бессмысленно гадать, как складывалось бы его творчество, живи он до нынешнего дня. В этот день, несколько не умаляя по старой дружбе его недостатков как человека, не затушевывая несовершенства его драматургии, я хочу напомнить о неоспоримых и немалых литературных заслугах этого яркого, разносторонне одаренного человека.

